

Н·С·ЛЕСКОВ

Николай Семёнович Лесков

Александрит
(Рассказы кстати #5)

Содержание

Глава первая	0005
Глава вторая	0008
Глава третья	0010
Глава четвертая	0012
Глава пятая	0015
Глава шестая	0018
Глава седьмая	0022
Глава восьмая	0024
Глава девятая	0027
Глава десятая	0029
Глава одиннадцатая	0033

**Николай Лесков
Александрит
Натуральный факт в
мистическом освещении**

В каждом из нас, окруженном мировыми тайнами, существует склонность к мистицизму, и одни из нас, при известном настроении, находят сокровенные тайны там, где другие, кружась в водовороте жизни, находят все ясным. Каждый листик, каждый кристалл напоминает нам о существовании в нас самих таинственной лаборатории.

Н. Пирогов

Глава первая

Я позволю себе сделать маленькое сообщение об одном причудливом кристалле, открытие которого в недрах русских гор связано с воспоминанием об усопшем государе Александре Николаевиче. Дело идет о красивом густо-зеленом драгоценном камне, который получил название «александрит» в честь покойного императора.

Поводом к усвоению этого имени названному минералу послужило то, что камень впервые найден 17 апреля 1834 г., в день совершеннолетия государя Александра II. Местонахождением александрита были уральские изумрудные копи, находящиеся в восьмидесяти пяти верстах от Екатеринбурга по речке Токовой, впадающей в Большую Ревть. Название «александрит» дал камню известный финляндский ученый минералог Норденшильд, именно потому, что камень найден им, г-м Норденшильдом, в день совершеннолетия покойного государя. Сказанной причины, я думаю, достаточно, чтобы никакой другой не разыскивать.

Как Норденшильд назвал вновь найденный кристалл «камнем Александра», так он и именуется по сие время. Что же касается до свойств его природы, то о них известно следующее:

«Александрит» (Alexandrit, Chrysoberil Sutorphone) есть видоизменение уральского хризоберила. Это минерал драгоценный. Цвет александрита – *темно-зеленый*, довольно сходный с цветом темного изумруда. При искусственном освещении камень этот теряет свою зеленую окраску и *переходит в малиновый цвет*.

«Самые лучшие кристаллы александрита были найдены на глубине трех сажень в Красноболотском прииске. Вставки из александрита очень редки, а безукоризненно хорошие кристаллы составляют величайшую редкость и не превышают весом одного карата.[1] Вследствие этого александрит в продаже не только весьма редок, но даже некоторые ювелиры знают о нем только понаслышке. Он почитается камнем Александра Второго».

Сведение это я выписал из книги Мих. Ив.

Пыляева, изданной с. – петербургским минералогическим обществом в 1877 г. под названием: «Драгоценные камни, их свойства, местонахождения и употребление».

К тому, что выписано из сочинения г. Пыляева о местонахождении александрита, надо прибавить, что редкость этого камня еще более увеличилась от двух причин: 1) от укореившегося между искателями камней поверья, что где обозначился александрит, там уже напрасно искать изумруда и 2) оттого, что копи, где доставали лучшие экземпляры камня Александра II, – *залило водою* прорвавшейся реки.

Таким образом прошу заметить, что александрит очень редко можно встретить у ювелиров русских, а иностранные ювелиры и гранильщики, как говорит М. И. Пыляев, «знают о нем только понаслышке».

Глава вторая

После трагической и великоскорбной кончины усопшего государя, при котором прошли теплые, весенние дни людей нашей поры, многие из нас, по довольно распространенному в человеческом обществе обычаю, желали иметь о дорогом покойнике какие кто мог вещественные «памятки». Для этого разными читателями покойного государя разбирались разнообразные вещи, впрочем, преимущественно такие, которые бы можно иметь всегда при себе.

Одни приобрели миниатюрные портреты покойного государя и вделывали их в свои бу-мажники или часовые медальоны, другие вырезывали на заветных вещах день его рождения и день его кончины; третьи делали еще что-нибудь в этом роде; а немногие—кому позволяли средства и кому представился случай—приобретали вставки из камня Александра Второго. Из них или с ними устраивали перстни, чтобы носить и не снимать эту памятку с руки.

Перстни с александритом были из самых

любимых и притом из самых редких и, может быть, из самых характерных памятков, и кто добыл для себя таковую, тот уже с нею не расставался.

Колец с александритом, однако, никогда не было много, ибо, как справедливо сказано у г. Пыляева, хорошие вставки из александрита и редки, и дороги. А потому на первых порах были люди, которые прилагали чрезвычайно большие усилия, чтобы отыскать александрит, и часто не находили его ни за какие деньги. Рассказывали, будто это усиленное требование даже вызвало опыты подделывать александрит, но подделывать этот оригинальный камень оказалось невозможным. Всякая подделка непременно должна обнаружиться, так как «камень Александра Второго» обладает дихроизмом или светопеременностью. Опять прошу помнить, что александрит при дневном свете *зелен*, а при вечернем освещении он – *красен*.

Этого достичь никаким искусственным сплавом нельзя.

Глава третья

Мне досталось кольцо с александритом, прошедшее с руки одного из незабвенных людей царствования Александра Второго.

Я приобрел перстень самым простым способом – покупкою, после смерти того, кто носил эту вещь. Перстень перешел через руки рыночного торговца и достался мне. Он был мне впору, и я как надел его на руку, так с ним и остался.

Кольцо было сделано довольно затейно и идейно – с символизмом: камень покойного государя Александра Второго сидел не один, а его окружали два, чистой воды, брильянта. Они должны были представлять здесь собою два блестящие дела прошедшего царствования – освобождение крестьян и учреждение лучшего судопроизводства, которое сменило старую «черную неправду».

Хороший густоцветный александрит немного менее карата, а брильянты каждый только по полукарату. Это опять, очевидно, с тем, чтобы брильянты, изображающие дела, не закрывали собою главного скромного кам-

ня, который должен напоминать самое лицо благородного деятеля. Все это вделано в чистое, гладкое золото, без всякой пестроты и украшений, как делают англичане, чтобы перстень был дорогим воспоминанием, но чтобы от него «деньгами не пахло».

Глава четвертая

Летом 1884 года мне привелось быть в Чехах. Имея беспокойную склонность увлекаться разными отраслями искусства, я там несколько заинтересовался местными ювелирными и гранильными работами.

Цветных камней в чешских землях не мало, но все они невысокого достоинства и вообще много уступают цейлонским и нашим сибирским. Исключение составляет один *чешский пироп*, или «огненный гранат», добываемый на «сухих полях» Мероница. Лучше его нет нигде граната.

У нас пироп был когда-то в почете и в старину высоко ценился, но теперь хорошего крупного чешского пироба в России почти невозможно найти ни у одного ювелира. Многие из них не имеют о нем и понятия. У нас нынче встречается в дешевых ювелирных вещах или мутный, темный тирольский гранат, или «гранат водяник», но крупного огненного пироба с «сухих полей» Мероница нет. Все лучшие старинные экземпляры этого прекрасного, густоцветного камня, огранен-

ные, большую часть, мелкогранную крейц-розетою, скуплены по ничтожным ценам иностранцами и вывезены за границу, а вновь находимые в Чехии хорошие пиропы прямо идут в Англию или в Америку. Там вкусы устойчивее, и англичане очень любят и ценят этот прекрасный камень с таинственным огнем, в нем заключенным («огонь в крови» – «Feuer in Blut»). Англичане и американцы, впрочем, вообще любят характерные камни, как, например, пироп или как «лунный камень», который при всяком освещении отликает только одним своим лунным светом. В их маленькой, но очень полезной брошюрке «Правила вежливости и приличий» есть даже указание на эти камни как на более достойные вкуса истинного джентельмена. О брильянтах там сказано, что их «может носить всякий, у кого есть деньги». В России на это другой взгляд: ни символики, ни красоты, ни загадочности удивительных цветов камня у нас нынче не уважают и «запах денег» скрывать не желают. У нас, напротив, ценят только то, «что принимается в ломбард». Оттого так называемые любительские

камни и не идут к нам, и они нашим нынешним охотникам до драгоценностей неизвестны. Им даже, может быть, показалось бы удивительно и невероятно, что прелестный экземпляр огненного граната считается одним из лучших украшений австрийской короны и стоит ужасной цены.

Глава пятая

Едучи за границу, я, между прочим, имел поручение от одного петербургского приятеля привезти ему из Богемии два лучшие граната, какие только можно будет найти у чехов.

Я и отыскал два камня изрядной величины и хорошего цвета; но один из них, наиболее приятный по своему тону, к досаде моей, был испорчен очень несовершенной, грубой огранкой. Он имел форму брильянта, но верхняя его площадка была как-то неуклюже, прямолинейно срезана, и оттого камень не имел ни глубины, ни блеска.

Руководивший меня в выборе чех, однако, посоветовал мне купить этот гранат и потом отдать его перегранить одному известному местному гранильщику, по имени Венцелю, которого поводырь мой называл величайшим мастером своего дела и притом большим оригиналом.

– Это артист, а не ремесленник, – говорил чех, и рассказал мне, что старый Венцель – кабалист и мистик, а также отчасти востор-

женный поэт и большой суевер, но человек преоригинальный и подчас даже прелюбопытный.

– Вы недаром с ним познакомитесь, – говорил мой приятель. – Камень для дедушки Венцеля представляет не бездушное, а одушевленное существо. Он чувствует в нем отблеск таинственной жизни горных духов и, – прошу вас не смеяться, – он входит с ними через камень в какие-то таинственные сношения. Иногда он рассказывает кое-что о полученных откровениях, и слова его заставляют многих думать, что у бедного старика уже не все исправно под черепом. Он уже очень стар и капризен. Сам он теперь редко принимается за работу, работают у него два его сына, но если его попросить и если ему камень понравится, то он его сделает сам. А уж если он сам сделает, то это будет превосходно, потому что, повторяю, сам Венцель – великий и притом вдохновенный артист своего дела. Мы с ним давно знакомы и вместе пьем пиво у Едличка. Я его попрошу, и надеюсь, что он исправит вам камень. Тогда это будет у вас прекрасная покупка, которою вы как нельзя более угоди-

те тому, кто вас просил о ней.

Я послушался и купил гранат, а затем мы тотчас же понесли его к старому Венцелю.

Глава шестая

Старик жил в одной из мрачных, узких и тесно застроенных улиц жидовского предместья, недалеко от известной исторической синагоги.

Гранильщик был высокий, худой старик, немного сторбленный, с совершенно белыми длинными волосами и с быстрыми карими глазами, взгляд которых выражал большую сосредоточенность с оттенком чего-то такого, что замечается у больных людей, одержимых горделивым помешательством. Согнутый в хребте, он держал голову вверх и смотрел как король. Актер, глядя на Венцеля, мог бы превосходно загримироваться Лиром.

Венцель осмотрел купленный мною пироп и кивнул головою. По этому движению и по выражению лица старика надлежало понять, что он нашел камень хорошим, но, кроме того, старый Венцель повел дело так, что с этой же первой минуты, хотя все шло у нас о пиропе, но, собственно, главный интерес у меня сосредоточился на самом гранильщике.

Он долго-долго смотрел камень, чавкал

беззубыми челюстями и одобрительно мне кивал; потом мял пироп между двумя пальцами, а сам глядел прямо и остро в глаза мне и морщился, морщился, точно съел зеленую скорлупу ореха, и вдруг объявил:

– Да, это *он*.

– Хороший пироп?

Вместо прямого ответа Венцель проговорил, что он этот камень «давно знает».

Я очень удачно мог вообразить себя перед Лиром и отвечал:

– Я этим безмерно счастлив, господин Венцель.

Почтительность моя старику понравилась, и он показал мне место на скамейке, а затем сам подошел ко мне так, что прижал своими коленами мои колена, и заговорил:

– Мы с ним знакомы давно... Я видел его еще на его родине, на сухих полях Мероница. Он тогда был в своей первозданной простоте, но я его чувствовал... И кто мог мне сказать, что его постигнет его ужасная участь? О, вы можете видеть по нем, как духи гор предусмотрительны и зорки! Его купил разбойник-шваб и швабу дал его гранить. Шваб мо-

жет хорошо продавать камень, потому что он имеет каменное сердце; но гранить шваб не может. Шваб – насильник, он все хочет по-своему. Он не советуется с камнем – чем тот может быть, да чешский пироп и горд для того, чтобы отвечать швабу. Нет, он разговаривать с швабом не станет. Нет, в нем и в чехе один дух. Шваб из него не сделает того, что ему вздумается. Вот они захотели сделать его крейц-розетою, вы это видите (я ничего не видел), но он им на это не дался. О да, – он пироп! он схитрил, он лучше позволил им, чтобы швабы ему отрезали голову, и они ему ее отрезали.

– Ну да, – перебил я: – значит, он погиб.

– Погиб! отчего?

– Вы сами сказали, что у него отрезали голову.

Дедушка Венцель сожалительно улыбнулся:

– Голова! Да, голова – важная штука, господин, но дух... дух еще важнее головы. Мало ли голов отрезали чехам, а они все живы. Он сделал все, что мог сделать, когда попал варвару в руки. Поступи шваб таким подлым образом

с каким-нибудь животным, с каким-нибудь жемчугом или с каким-нибудь «кошачьим глазом», который нынче пошел в моду, – и от них не осталось бы ничего. Из них вышла бы какая-нибудь пошлая пуговица, которую осталось бы только выбросить. Но чех не таков, его не скоро столчешь в швабской ступе! У пиропов закаленная кровь... Он знал, что ему надо делать. Он притворился, как чех под швабом, он отдал свою голову, а свой огонь спрятал в сердце... Да, господин, да! Вы огня не видите? Нет! А я его вижу: вон он густой, неугасимый огонь чешской горы... Он жив и... – вы его извините, господин, – он над вами смеется.

Старый Венцель сам засмеялся и закачал головою.

Глава седьмая

Я стоял перед этим стариком, который держал в руке мой камешек, и решительно не знал, что ему отвечать на его капризные и малопонятные речи. И он, кажется, понял мои затруднения: он взял меня за руку, а другою захватил концами пинцета пироп, поднял его в двух пальцах вверх перед своим лицом и продолжал повышенным тоном:

– Он сам чешский князь, он первозданный рыцарь Мероница! Он знал, как уйти от невежд: он у них на глазах переделался трубочистом. Да, да, я видел его; я видел, как барышник-жид возил его в своем кармане, барышник и выбирал по нем другие камни.[2] Но он не для того горел на первозданном огне, чтобы тереться уродом в кожаной мошне барышника. Ему надоело ходить трубочистом, и он пришел ко мне за светлой одеждой. О! мы понимаем друг друга, и принц Мероницких гор явится принцем. Оставьте его у меня, господин. Мы с ним поживем, мы с ним посоветуемся – и принц будет принцем.

С этим Венцель довольно непочтительно

кивнул мне головою и еще непочтительнее бросил первозданного рыцаря на очень грязную, засиженную мухами тарелку, на которой валялось несколько совершенно схожих на вид гранатов.

Мне это не понравилось, и я даже просто побоялся, что мой пироп перемешается с другими, худшими.

Венцель это заметил и наморщил лоб.

– Пойдите! – сказал он и, смешав рукою все гранаты в тарелке, неожиданно бросил их все в мою шляпу, а потом потряс ее и, опустив в нее, не глядя, свою руку, как раз вынул «тубочиста».

– Хотите это сто раз повторить или довольно, довольно одного раза?

Он чувствовал и различал камень по плотности.

– Довольно, – отвечал я.

Венцель опять бросил камень в тарелку и еще горделивее кивнул головою.

Мы на этом расстались.

Глава восьмая

Во всех словах и в самой фигуре старого гра-
внильщика было столько прихотливого и
особенного, что его трудно было считать нор-
мальным человеком, и, во всяком случае, от
него веяло сагой.

– Вот, – думалось мне, – если бы такого ори-
гинального знатока камней повстречал в
свое время такой великий любитель само-
цветных лалов, как Иван Грозный! Вот бы с
кем он всласть поговорил и, может быть, сам
бы его затравил самым лучшим медведем. Те-
перь Венцель уже не ко времени птица и не к
масти козырь. В любом ломбарде сидят знато-
ки, которые, наверное, должны относиться к
нему по крайней мере с таким же презрени-
ем, с каким он к ним относится. Что он мне
наговорил о каком-то двадцатирублевом кам-
не!.. Чешский принц, первозданный князь, и
потом сам швырнул его на грязную тарелку...

– Нет, – он сумасшедший.

А Венцель, как назло, не выходил у меня
из головы, да и только. Даже он стал мне
сниться. Мы с ним все лазили по Мерониц-

ким горам и чего-то скрывались от швабов. Поля были не только сухи, но жарки, и Венцель то здесь, то там припадал к земле, прикладывая ладони к пыльному щебню и шептал мне: «Пробуй! пробуй, как горячо!.. Как они там пылают! Нет, нигде нет таких камней!»

И под наитием всего этого купленный мною гранат в самом деле стал мне казаться чем-то оживленным «от первозданных огней». Чуть я оставался один, мне тотчас начинали припоминаться в детстве читанное путешествие Марко Поло и родные сказанья новгородцев «о камнях драгих, ко многим делам угодных». Вспоминалось, как бывало читаешь и удивляешься, что «гранат веселит сердце человеческое и кручину отдаляет и кто его при себе носит, у того речь и смысл исправляет и к людям прилюбляет». Позже все это потеряло значение, на все эти сказания мы стали смотреть как на пустое суеверие, стали сомневаться, что «алмаз смягчить можно, помочив его в крови козлей», что алмаз «лихие сны отгоняет», а если к носящему его «окорм приблизить, то он потети зачнет»;

что «яхонт сердце крепит, лал счастье множит, лазорь болезни унимает, изумруд очи уздоровляет; бирюза от падения с коня бережет, бечет нехорошую мысль отжигает, тумпаз кипение воды прекращает, агат непорочность девиц бережет, а безоар-камень всякий яд погашает». А вот попался старик с густым бредом, и я сам с ним снова готов бредить.

Глава девятая

Спишь, а все это снится... И как славно, как это все густо, и жизненно, хотя и знаешь, что это вздор. Не вздор – это то, что знает оценщик камней в ломбарде. О да, то не вздор. То оценка... то факт...

Да, но ведь и это было в свое время фактом... Ведь патриарх Никон факт писал царю Алексею, когда жаловался на своих лиходеев. Совсем хотели его извести и злым окормом его насмерть окормили, да был патриарх запаслив – он при себе «безуй-камень» имел и *«безуем отсосался»*. Долго он лизал безуй-камень, который был у него в напалке вправлен, но зато ему помоглося, а лиходеи его пострадали. Правда, что все это было в старину, когда и камни в недрах земли, и планеты в выси небесной – все были озабочены судьбой человека, а не нынче, когда и в небесах горе, и под землею – все охладело к судьбе сынов человеческих и несть им оттуда ни гласа, ни послушания. Все вновь открытые планеты уже не получили никаких должностей для гороскопов; много есть и новых камней, и все

они смиренны, свешены, сравнены по удельной тяжести и плотности и затем ничего они не вещают, ни от чего не пользуются. Прошел их черед говорить с человеком, и они теперь то же, что «вития много-вещанные», которые сделались «яко рыбы безгласные». И старый Венцель, конечно, дурит, повторяя какие-нибудь старые сказки, которые у него перепутались в ослабевшем мозгу.

Но как же он меня мучил, этот сумасбродный старик! Сколько раз я заходил к нему, а мой пироп не только был еще не готов, но Венцель за него даже и не принимался. Мой «первозданный принц» валялся «трубочистом» на тарелке, в самом низком и малодостойном его товариществе.

Если хоть каплю, но искренно суеверить, что в этом камне живет какой-то горный, гордый дух, который мыслит и чувствует, то обращаться с ним таким непочтительным образом тоже есть варварство.

Глава десятая

Венцель меня уже не интересовал, а сердил. Он ни на что не отвечал толком, и порою мне в нем сказывался даже нахал. На самые вежливые мои замечания, что я слишком долго жду маленького поворота его шлифовального колеса, он меланхолически чистил свои гнилые зубы и начинал рассуждать, что за вещь *колесо* и сколько есть разнообразных колес на свете. Колесо при мужичьей мельнице, колесо в мужичьей телеге, колесо в вагоне, колесо в легкой венской коляске, часовое колесо до Брегета и часовое колесо после Брегета, колесо в часах Дениса Блонделя и колесо в часах Луи Одемара... Словом, черт знает, что за рацею разведет, а конец тот, что каретную ось легче выковать, чем огранить камень, а потому: «ждите, славянин».

Я потерял терпение и попросил Венцеля вернуть мне назад мой камень, каким он есть, но в ответ на это старик заговорил ласково:

– Ну, как это можно? зачем делать такие капризы?

Я признался, что мне это надоело.

– Ага, – отвечал Венцель: – а я думал, что вы уже сделались швабом и нарочно хотите оставить чешского князя трубочистом...

И Венцель захохотал, широко раскрыв рот, так что из него по всей комнате запахло хмелем и солодом.

Мне показалось, что старик в этот день выпил лишнюю кружку пильзенского пива.

Венцель даже стал мне рассказывать какую-то глупость, – будто он *брал его с собою гулять* на Винограды за Нуссельские сходы. Там они будто вместе сидели на сухой горе против Карлова тына, и *он* будто открыл, наконец, ему, Венцелю, всю свою историю «от первозданных дней», когда еще не только не родились ни Сократ, ни Платон, ни Аристотель, но не было содомского греха и содомского пожара, – вплоть до самого того часа, как он выполз на стену клопом и посмеялся над бабой...

Венцель будто вспомнил что-то очень смешное, снова расхохотался и опять наполнил комнату запахом солода и хмеля.

– Довольно, дедушка Венцель, я ничего не

понимаю.

– Это очень странно! – заметил он с недоверием и рассказал, что бывали случаи, когда превосходные пиропы находили просто в избяной обмазке стен. Богатство камней было так велико, что они валялись поверх земли и попадали с глиной в штукатурку.

Венцель, вероятно, имел все это в голове, когда сидел в садике пивницы при Нуссельских сходах, и унес это с собою на сухую гору, на которой глубоко и мирно уснул и видел прелюбопытный сон: он видел бедную чешскую избу в горах Мероница, в избушке сидела молодая крестьянка и пряла руками козью шерсть, а ногою качала колыбель, которая при каждом движении тихонько толкала в стенку. Штукатурка тихо шелушилась и опала пылью и... *«он пробудился!»* То есть пробудился не Венцель и не дитя в колыбели, а он – первозданный рыцарь, замазанный в штукатурку... Он пробудился и выглянул наружу, чтобы полюбоваться лучшим зрелищем, какое бывает на свете, – молодой матерью, которая прядет шерсть и качает своего ребенка... Мать-чешка увидела на свете гра-

нат и подумала: «вот клоп», и чтобы гадкое насекомое не кусало ее ребенка, она ударила его со всей силы своей старой туфлей. Он выпал из глины и покатился на землю; а она увидела, что это камень, и продала его швабу за горсть гороховых зерен. Все это было тогда, когда зерно пироба стоило одну горсть гороха. Это было раньше, чем случилось то, что описано в чудесах св. Николая, когда пироб проглотила рыба, которая досталась бедной женщине, и ту обогатила эта находка...

– Дедушка Венцель! – сказал я: – извините меня – вы говорите очень любопытные вещи, но мне недосужно их слушать. Я послезавтра утром рано уеду, и потому завтра приду к вам в последний раз, чтобы получить мой камень.

– Прекрасно, прекрасно! – отвечал Венцель. – Приходите завтра в сумерки, когда станут зажигать огни: трубочист встретит вас принцем.

Глава одиннадцатая

Я пришел как раз в назначенное время, когда зажгли свечи, и на этот раз мой пироп действительно был готов. «Трубочист» в нем исчез, и камень поглощал и извергал из себя пуки густого, темного огня. Венцель на какую-то незаметную линию снял края верхней площадки пиропа, и середина его поднялась капюшоном. Гранат принял в себя свет и заиграл: в нем в самом деле горела в огне очарованная капля несгораемой крови.

– Что? каков витязь? – восклицал Венцель.

Я поистине не мог налюбоваться пиропом и хотел выразить Венцелю это, но, прежде чем я успел сказать хоть одно слово, мудреный старик выкинул неожиданную и странную штуку: он вдруг схватил меня за кольцо с александритом, который теперь при огне был красен, и закричал:

– Сыны мои! чехи! Скорей! Смотрите, вот вот тот *вещий русский камень*, о котором я вам говорил! Коварный сибиряк! он все был зелен, как надежда, а к вечеру облился кровью. От первозданья он таков, но он все пря-

тался, лежал в земле и позволил найти себя только в день совершеннолетия царя Александра, когда пошел его искать в Сибирь большой колдун, волшебник, вейделота...

– Вы говорите пустяки, – перебил я. – Этот камень нашел не волшебник, а ученый – Норденшильд!

– Колдун! Я говорю вам – колдун, – закричал громко Венцель. – Смотрите, что это за камень! в нем зеленое утро и кровавый вечер... Это судьба, это судьба благородного царя Александра!

И старый Венцель отвернулся к стене, опер голову на локоть и... заплакал.

Сыновья его стояли молча. Не только для них, но и для меня, который так давно видал постоянно на своей руке «камень Александра Второго», камень этот будто вдруг исполнился глубокою вещей тайной, и сердце сжалось тоскою.

Как хотите – старик увидал и прочел в камне что-то такое, что в нем как будто и было, но что прежде до него никому в глаза не бросалось.

Вот что иногда значит посмотреть на вещь

под необыкновенным настроением фантазии!

*Впервые опубликовано – журнал
«Новь», 1884.*

Примечания

1

Карат собственно считается равным тяжестью одному зерну сладкого рожка, или около 4 гран. – (Прим. Лескова.).

[^^^]

Если долго пересматривать однородные цветные камни, то «глаз притупляется» и теряет способность отличать лучшие цвета от худших. Чтобы восстановить эту способность, скупщики камней имеют при себе *регулятор*, т. е. такой камень, цвет которого им известен своим достоинством. Сличая с ним чужой камень, покупатель сейчас же видит разницу в его оцвечении и может правильно судить о его достоинстве. – (Прим. Лескова.).

[^^^]